

Необходимость совмещения исторического подхода с системным подходом — залог будущих успехов науки о языке, руководствующейся марксистско-ленинской методологией и основывающейся на диалектико-материалистическом методе. Ибо считать, что мы стоим на марксистских позициях, и одновременно «снисходительно» относиться к системности невозможно. Сегодня системный подход — это не чей-либо каприз или модное увлечение, а важная составляющая часть методологии.

Так, в обстоятельной статье И. В. Блауберга, В. Н. Садовского и Б. Г. Юдина отмечено, что «системный подход представляет собой методологическое направление современной науки», что его основой и философским базисом является диалектика, что он — один из «проводников плодотворного воздействия философии диалектического материализма на специальное научное познание». В статье говорится далее, что «параллельно процессу широкого проникновения системных методов исследования в науку... шло развитие философского и теоретического осознания статуса системных исследований...» [10].

К сожалению, в лингвистической науке такого философского и теоретического осознания методологической природы принципа системности зачастую не наблюдается. Ведь говорить, что лингвисты, начиная с ранних этапов истории языкознания, обращали *особое* внимание на раскрытие языка как системы, что понятие «языковая система» в лингвистике *всегда* существовало, что оно только *несколько* изменилось, и одновременно упрекать так называемых «сторонников методологического синхронизма» в том, что они *делают упор* на изучение языка как системы и что для них *важнее* описать структуру языка (или отдельных ее сторон) и то, как действует эта структура, утверждать так — значит не осознавать все-таки, как и насколько изменилось понятие «языковая система» в свете современных системных исследований и насколько велико и важно сегодня значение философского принципа системности для науки.

Диалектико-материалистическая трактовка системности связана, в частности, с преодолением предпосылок элементаризма в ее понимании [см. 10]. Одной из них является движение от частей к целому. При такой установке части рассматривались как нечто первичное, в каком-то смысле существующее более реально, чем целое. Поскольку же сейчас признается допустимым и даже необходимым движение от целого к частям, постольку возникает вопрос о расчленении целого, т. е. системы, и о способах такого расчленения.

В применении к языку это означает признание необходимости членения системы на части, т. е. на субстанцию (элементы) и на структуру (отношения), которые невозможно противопоставлять друг другу как нечто первичное или вторичное, так же как невозможно считать чем-то вторичным и саму систему (т. е. целое) в сравнении с ее частями. Тем не менее главное расхождение между современными лингвистами, имеющее, как приходится считать, «принципиальное методологическое, философское значение», усматривается именно в том, что одни из них (к числу которых отнесены помимо структуралистов все сторонники системно-структурного или логического подхода к языку) на первый план ставят отношения между элементами языковой субстанции, а другие (которые считаются единственными представителями марксистско-ленинского языкознания), наоборот, языковую субстанцию оценивают как первичное, а все отношения между ее элементами — как вторичное. Это расхождение, однако, не следует рассматривать как методологическое или даже идеологическое, так как оно зависит не от отвлеченных соображений общего порядка, как говорит П. Н. Федосеев [см. 8], а от характера стоящей перед исследователем задачи, т. е. от того, *что* его интересует в ходе научного анализа: *целое* (с его структурой и закономерностями функционирования) или *части* (совокупность элементов субстанции с их индивидуальными особенностями).